

О ДРАМАТИЗМЕ БРАТСКИХ СВЯЗЕЙ

Бородич В.М.,

ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Целью статьи (эссе) является демонстрация реальных проблем межкультурного общения на примере развития личностных отношений в поэтическом пространстве.

То, что исторические отношения между Россией и Беларусью (с учетом всевозможных контекстов) не являлись лубочно-идиллическими, как того хочется некоторым идеологам, факт. А история всегда была предметом идеологических спекуляций. Со всех сторон.

Северо-Западный Край, губернии... Это – в рамках Российской Империи, после Великого Княжества и времен Речи Посполитой. А дальше – одна из советских республик и, наконец, проект создания «Союзного государства».

«Братство народов» – заманчиво. Но насколько реалистично? Сама субстанция (субъектность) «народ» – во многом (не во всем) идеологическая или, что несколько иное, юридическая фикция. «Фикция» – не обязательно вымысел.

Союз государств? Союзы в политике – дело обычное. Но насколько они реальны при такой разнице в «весовых категориях»?

Это – если только о «союзе». А «Союзное государство» – уже по смыслу всего лишь модификация единого государства. И какой статус в нем предлагается Беларуси?

В дело вмешивается геополитика. И здесь – не до «братства». При всей заманчивости. Иное дело – добрососедство. При нашем нейтралитете (в отношении Евросоюза и России), пожалуй, с несколько большей «комплиментарностью» все-таки к Российской Федерации. В силу экономических «связей-зависимостей», да и определенных культурных (прежде всего, языковых) комплексов.

А со спекуляцией на теме «братства» желательно быть чуть сдержаннее.

Как могут рваться братские (или дружеские) связи на личностном уровне, мы знаем из собственного опыта. И едва ли не самое жуткое, когда они рвутся именно по причине идеологических вывертов-инсинуаций.

Земля Беларуси принимала немало российских литераторов, в том числе поэтов. Русских поэтов. Принимала в разные периоды их жизни, оставляя разный след в их судьбе и творчестве.

Позволю себе вспомнить лишь о двух из них. Тех, кто мне особенно дорог. Одного я узнал по-настоящему, что называется постфактум: спустя три года после его кончины. Второго... Второго потерял совсем недавно, после почти шести лет заочного общения – не всегда ровного, а в послед-

ний период и вовсе драматически преткнувшегося по причине резкого расхождения в понимании некоторых страниц истории. Истории наших народов. Не все гладко оказалось в этой части и с первым.

История ли виновата, разворачивая наше к ней (и не только) отношение порой на сто восемьдесят градусов. Сами ли мы, в своей «эволюции», переходим от «братства» к охлаждению, а то и к «гражданской войне» – нет последнего безупречного на то ответа.

Николай Александрович Шипилов (1946–2006).

Ему я благодарен за налаживание «настроек» и интонаций. Русский поэт и бард провел последние годы жизни у нас, под Минском. А умер где-то уже на российском приграничье, под Смоленском, возвращаясь домой с фестиваля.

Поскольку о нем я уже говорил [1], перейду сразу ко второму.

Владислав Александрович Пеньков (1969, Владивосток – 1.09.2020, Таллинн).

Родился на Дальнем Востоке. Семья (отец – журналист, связанный с Военно-Морским Флотом) помоталась по городам и весям СССР: Крым, Североморск, Таллинн... Настоящий «пограничник». Но несколько лет своего детства Влад прожил у нас, в Витебске. С бабушкой и дедушкой. Это нас во многом и объединяло...

Не встречались. Город не такой и большой, но все-таки. Да и разница в возрасте. Его детство пришлось на мои «университеты».

А Витебск у него остался. И стихов, посвященных ему – достаточно.

Влад говорил, что ему нравится наша *мова*, но текстов на ней он не слагал и лишь изредка вставлял отдельные слова.

Два моих перевода его стихов...

«Маўчанне»

Ну, што казаць, і я амаль жабрак.
Апошні час жыцце ў шчэнт парушыў.
І не чуваць ужо ад райскіх крат,
як грукаюць там яблыкі і грушы.
І літасьці мне *не* адкуль чакаць.
Мой *Бог* размовамі патраціўся на продкаў.
Ад слоў *Яго*, што салатзей цукат,
няма натхнення тым, хто пасяродку.
Ен ліў свой опій у полымя. На снег.
На раны ад апекаў і каросту.
Наяве боль і гэткая ж у сне –
Ад вузкай брамы да шляхоў няпростых.
А нам лацвей да справы алкаголь.
Мы самі прайдзісветы і каналы.
Камусьці тое мроіцца за боль.

А з *Ім* такія цацкі не *каналі*.
Перада мной абшараў гарызонт
Аблокі тыя ж мараў і адчаю.
Хай я жабрак. Аднак жа не *на понт*
бярэ мяне бясконцае Маўчанне.

«Сьвятая песня маленства»

Віцебск. Спякота. Драпіна.
Нейкі масток загадкавы.
Варта спаднічкі мамінай
кепка бялюткая таткава.
Зараз! Як цуд, за столікам.
Зноўку ўсе тыя ж хлопчыкі.
Вось і пламбір у слоічках.
Да алкашоў нябожчыкаў.
Там Песняры на спевачцы
(кроў на каленцы спякаецца).
Нешта, дзяўчынкі-дзеўчыны,
з часу таго вяртаецца.
Нешта салодка-горкае
просіць: прабачце, дзетачкі!
Птушка званамі гойкае.
Скача з галінкі ў клетачку.
Звоніць усімі сіламі...
Віцебск. Спякота. І
гэткае:
– Зробімся мы мудзіламі...
Льецца з ваніты нябрыдкае.
Горад. Дзядуля. Сонейка.
Шчасце наскрозь балючае!
Птушка... Празрыста тоненька.
Зоркай. Смяшынкай-дзеўчынай.

С «понтамі» і «м...» прыйшлося сагласіцца. Владіслаў порой поль-
зоваўся падобнымі вульгарызмамі. Для экспрэсіі. І замяняць іх в пере-
воде, значыць ігнараваць волю і стыль аўтара.

Першае знаамаства с яго поэзіяй (2014) стало для мяня – «неофита»
в плане сабственааго «прнчнсленаа» к сонму пннтоа – алоаадыа отрезв-
ляюаым ауаеа.

«Поэту»

А вот нет ни копейки зависти!
От того ли, что я не поэт?
На такие зарубки-затеси,

На отчаянный пируэт
Не достало ни силы, ни пороха
Самому. Но, смакуя твое,
Констатирую: любо да дорого!
Заточенное до краев,
Для блезирю оно не отлажено
И царапает девственный слух.
Я визирую истово: Граждане!
Вне регалий и прочих заслуг,
О которых, признаюсь, не в курсе я,
Это стоит того, чтоб прочесть.
Даже если оно не из Бургоса,
Даже если зачетнее есть.

Рок служил и лекалом, и компасом.
Нарезая ломоть за ломтем
Не лапшу, а чеканные образы,
Ты порой вспоминаешь о нем.
Где-то в Таллинне ходишь по улочкам,
Северянина гений дразня.
Собираешь легенды осколочки
О хазарских каганах-князьях.
И февральских грачей пастернаковских
На саврасовский клеишь пейзаж,
Для гурманов поэзии лакомства
В электронный швыряя тираж.

А это... К нашему (с В.П.) Витебску

«Владу. В датский город – из Витебска»

Город древний...

Стиль барокко.

Золотые купола.

Мне сегодня одиноко.

С Древом Жизни кабала
пресекается, тончает...

Тень Голгофы с топором.

Груз неведомой печали.

Карк неряшливых ворон.

Нет, я вовсе не о сфирах.

Не о таинствах миров.

Город мой – не сердце мира
на скрещении дорог.

В нем и русского немного.

Был у Бунина резон!
Просто грустно. Одиноко.
Оседает жизни сон.

Эти (ниже) – попытка навести уже расходящиеся мосты. Увы! –
Вмешалась Идеология. Разночтения в оценке некоторых личностей, да и
судеб народов: русского и белорусов.

«Ностальгия»

Я – шляхтич опальный. Литвинского рода смычок.
Империи дым. Отголосок раздерганной «Ржечи».
Не верю «навальным». По ходу, властям – «не зачет».
Чураюсь «орды». И седых «запорожцев из Сечи».
Нещедрая доля закатных моих деревень.
Музейные стены воскресших руин Радзивилла.
Судьба и неволя. Угрюмый зануда *Raven*.
Избитая тема времен допотопной Сивиллы.
Мне снится все чаще озерная синяя гладь.
Пахучий чабор. Распростертые гуси над логом.
И болью сладчайшей живые отец мой и мать.
Достойный набор рядового вполне эпилога.

«Скифскому Волку от литвинского»

Гэльские волки бродили вчера по придвинским колкам.
Мифы друидов стекали в литвинскую чару.
Ладное миро вбирало добротный калган.
Август недаром развел у себя янычаров.
Золото скифов в предсердье зазывно поет.
Бьет колокольцем под дых новгородское вече.
Нам ли по нраву крапленый техасский койот,
хитрость свою покрывающий правом овечьим?!
Солнце в зените ломает лошадам крестцы.
Волки мои, уведите меня от погони!
Плаваются сладкою болью деньки-леденцы.
Роскошь оклада кипит на пресветлой иконе.

Акrostих

В Духов День над Западной Двиною
Проплывал блаженный *Николай*.
Высадившись в облако парное,
Тоненько звонил в колокола.
Амнезия, братцы! Амнезия.
Летных дел исчезли мастера.

Ложью околдованы низины.
Истина бездомная стара.
Нищая распята на Голгофе.
Изгнана из жизни *небылой*.
Звездочкой эмалевой в окопе.
Веточкой оливы под золой.
Ищут следопыты и юннаты.
Тают над рекою облака.
Ежли что, останутся цитаты
Бывшего икара-мужика.
Сколько нас мелькнуло *понарошку!*?
Кануло *бесследьем* в *Никогда*.
А швырнули б лапоть на дорожку –
Вот она б и *вспыхнула*. Звезда!
Новая. Хорошая. Большая...

И в заключение на смерть Владислава Пенькова, во многом нас примирившую. Но рубец остался. У меня. Пока я – здесь...

«Всего лишь жизнь...»

Беды предчувствие опять не обмануло.
Смахнет слезу суровый порт Североморск.
Полярный ветер чайкою понурой
ныряет в скалах, не по-летнему промозгл...
А лето кончилось. На строчке оборвалось.
Нон-фикшн капнуло в стакан на посошок.
Всего лишь жизнь. Отсроченная малость.
Как будто выпорхнул. Останется ожог...
Останется нелепою виною.
В эстляндском Ревеле. В воронежской глуши.
И в городе над Западной Двиною.
Всего лишь смерть...
В одну лишь чью-то жизнь...

Литература

1. Феномен Шипилова // Образы России и Беларуси в контексте приграничья: монография / под ред. В.Ю. Пименова. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. – С.171–181.